

Россия - 2004 - 9-15 дек. - с. 18

Диагноз Валерия Ковтуна

12 декабря в Кремлевском дворце состоится концерт лучшего аккордеониста России Валерия Ковтуна. Ансамбль Ковтуна, который существует уже больше 20 лет, рукоплескали Мадрид, Нью-Йорк, Женева, Берлин, Осло и многие другие города мира. В его репертуаре — и народная музыка, и джаз, и классика.

Беседовал
Владимир Чебурахов

обменять баян на аккордеон. Это только маленький мальчик мог надеяться на такое чудо! Но под самое закрытие магазина действительно пришла пара, которая принесла аккордеон, а им нужен был баян. И мы поменялись. Они мне, по-моему, еще десять рублей дали. Потому что баян был совсем новенький, а аккордеон был старый, немецкий, — «Хонер». Кстати, тогда аккордеон, в отличие от баяна, считался у нас в стране таким прозападным инструментом, ассоциировался с немцами, с врагом, потому что наши

солдаты из Германии во множестве эти аккордеоны везли. Хотя в то же время аккордеон относился к элитным инструментам, для простого народа недоступным. А мне было все равно, на чем играть. И об аккордеоне даже и не мечтал, потому что это более интеллигентный такой инструмент, что ли, ненародный. Кстати, то, что я стал играть на аккордеоне, в чем-то меня и вообще спасло. Я ведь родился и жил в Керчи. А там жизнь была тяжелой, повсеместно господствовали нравы улицы, у нас там все почти поголовно

сидели в тюрьме. Путь у всех был один.

— Вываться из этого круга было почти нереально?

— Меня, конечно, никогда не тянуло к криминалу. Но кто знает!

— Была какая-то альтернатива?

— Практически никакой. Но когда я занялся музыкой, меня уже практически ничего более не интересовало. Кстати, все местные блатные, хулиганы вначале просто ловили меня и били. Я со своим аккордеоном, идущий на занятия, был для них просто ино-

родным телом, вызывавшим раздражение.

— Как же вам удалось в такой ситуации не сдаться, не изменить себе?

— Когда очень хочется чего-нибудь, преград нет. Я всегда говорю, что только максимализм может привести человека к чему-то. Если он просто любит какое-то дело, этого еще мало. А когда, кроме этого занятия, ничего себе не представляешь, тогда будет результат...

— В массовом сознании аккордеон ассоциируется прежде всего с народной

музыкой. В вашем же репертуаре много и джазовых тем, и классических произведений...

— Представление, о котором вы сказали, существует только от недоинформированности народной. Потому что у нас очень мало популяризируется этот инструмент. На аккордеоне, конечно, Бетховена не будешь играть. Как и на балалайке. Это неинтересно и смешно. Бетховена нужно слушать в исполнении симфонического оркестра. Ведь каждый инструмент рожден определенной музыкой. Во Франции на аккордеоне играют мюзеты, в Германии — польки, в Америке играют джаз, в Аргентине — танго. Я не знаю, какой инструмент может заменить аккордеон в мюзете или в аргентинском танго!

— На ваш взгляд, какие еще неизведанные стороны у этого инструмента существуют?

— Мне кажется, все зависит от таланта исполнителя. Вот в концерте у нас будет выступать 12-летний мальчик, которого я увидел в Туле. Он уже лауреат многих конкурсов. Может, он скажет в своей жизни что-то такое, что следующее поколение признает настоящей революцией. Все зависит от личности. Ведь кто бы мог подумать, что на аккордеоне можно играть с оркестром Большого театра, например? А я не просто играл, но и записывался.

Двадцать лет назад скажи я кому — не поверили бы, сказали бы: да ну, глупости какие! Вот «Цыганочку» — мы поверим. А играть классические произведения, такие, как «Аве Мария» Шуберта, или «Венецианский карнавал» Паганини, или «Полет шмеля» Римского-Корсакова, — это парадокс! В конце концов, я знаю, что делается в Европе, и там, поверьте, тоже много интересных экспериментаторов. И у меня огромная фонотека музыкантов, которые играют в мире

на аккордеоне, есть удивительные вещи.

— Как воспринимают вашу музыку за рубежом? Какая публика приходит на концерты?

— Хотя считается, что наша аудитория — это только среднее и старшее поколение, могу вам сказать, что приходит сейчас очень много молодежи. Но за рубежом, конечно, преобладает все же взрослое поколение, те, кто постарше, потому что в современной музыке старшее поколение мало что находит для себя. Ведь по радио и телевизору звучит, как вы знаете, все одно и то же.

— То, что называется «форматная» музыка...

— Да-да (с иронией). Само слово «формат» мне нравится. Мне сразу представляется некое отверстие в стене. Если что-то не проходит в это отверстие, выбрасывается в сторону. А то, что музыка делится на хорошую и плохую, про это мы забываем всегда. Для чего вообще существует музыка?

— В самом деле...

— Чтобы трогать чувства, ум человека... По-настоящему интересную музыку не подогнать под шаблоны. Того же Астора Пьяцоллу, который открыл новую волну для аккордеона, его в Аргентине вообще долгое время не воспринимали. С полным провалом шли концерты у него. Хотя в Европе и Америке его принимали великолепно. Потом только, когда он умер, ему поставили памятник. Он был ведь первооткрывателем нового стиля, очень красивого и до сих пор не всеми понятого.

— Ваша публика всегда была действительно разнообразна. Даже приходилось играть и перед президентами...

— Да, перед Шираком, Ельциным. А недавно, в августе, — перед Шредером и Путиным. Я на машине пересек границу украинскую, уже по пути из Крыма. Мне позволили прямо в машину, пригласили выступить. И я вернулся для этого в Бочаров Ру-

чей, где проходила политическая встреча президентов. Там был забавный случай. Во время выступления собака Путина Кони вышла и, пристроившись у ног хозяина, тоже слушала. Все упали со смеху. А я-то играю и не вижу, что происходит. И когда я закончил, спрашиваю: «Владимир Владимирович, она меня не оставит инвалидом?» Он говорит: «Нет-нет, я сейчас заберу ее». Президенты от души поблагодарили меня и в этот же вечер попросили еще раз выступить для них.

— У вас на радио была в свое время собственная программа. Какой опыт она вам дала?

— Вы не представляете, сколько поклонников и у нас в стране, и за рубежом у этого инструмента. Любовь к аккордеону — это диагноз. Люди, которые любят аккордеон, от этой любви не смогут уйти никогда.

— Расскажите, пожалуйста, что смогут услышать эти страстные поклонники аккордеона на вашем концерте в Кремле?

— Во-первых, с нами будет выступать Рахманиновский симфонический оркестр. Во-вторых, будет играть этот замечательный мальчик, про которого я уже упоминал, его зовут Максим Такаев, будет Маша Сонькина — девушка, которая окончила колледж, великолепно играет, блестяще. Мы будем и дуэтом с ней играть, и сольно она выступит. Что касается репертуара, я, конечно, сначала навяжу публике то, что я хочу сыграть (смеется). Потому что люди приходят и сразу, еще в начале выступления, кричат, что мне надо играть. Но я-то знаю, что концерт, конечно, не будет состоявшимся, если я не сыграю «Карусель», «Парсиду» и прочие известные вещи. Я это обязательно сыграю. Отолько не стоит кричать, чтобы я играл это в начале. Прежде всего, мне хотелось бы представить что-то новое.